

ГЛАВА II. ПРАВОВОЙ СТАТУС АНТАРКТИКИ

Представляется очевидным, что решение основных политico-правовых вопросов Антарктики зависит от понимания ее международно-правового положения. Антарктика вполне оправданно может быть отнесена к пространствам, которые могут быть использованы с соблюдением определенных условий группой государств или всеми государствами (объекты общего пользования). К таким пространствам относятся, видимо, помимо Антарктики космические тела, международные реки и каналы, Шпицберген, Мировой океан. В отношении каждого из этих пространств отдельные государства (или группы государств) обладают определенными правами и обязанностями. Как представляется, эти права и обязанности можно попытаться сформировать в несколько общих групп, сочетание которых будет характеризовать в принципе правовое положение упомянутых объектов общего пользования и будет общим для них. При этом речь идет, конечно, не о формулировании какого-то радикально нового подхода, а о разумном применении уже имеющегося правового опыта.

1. Владение и собственность

В международном праве существует такое подразделение прав государства в отношении внутренней организации и распоряжения его суверенной территорией, как права управления, администрации и распоряжения. При этом нередко проводятся сравнения между содержанием суверенитета (*imperium*) и собственностью (*dominium*), как публичной, так и частной⁴⁶. Такое сравнение представляется полезным, позволяющим найти практически применимые аналогии. Так, уже в римском частном праве предпринимались попытки выделить из права собственности право распоряжения и пользования⁴⁷. На более раннем этапе сформировался также самостоятельный институт владения, подчас не только не совпадавший по содержанию с институтом собственности, но и прямо ему противостоявший⁴⁸. Выделение в самостоятельные понятия права владения, распоряжения и пользования было продиктовано практическими потребностями - развитие товарно-денежных отношений все чаще приводило к ситуации, когда объект, принадлежавший одному лицу, использовался другими лицами. В результате кроме собственности (*dominium*) возникла бонитарная собственность (*in bonus*), провинциальная собственность и собственность перегривнов, сформировалось право владения (*possessio*), сервитуты (*servitutes*) и такой их вид, как узуфрукт (*usus fructus*), появилось "голое право" (*nudum jus*) и

46 Броунили Я. Международное право /книга первая/. М., 1977, стр. 175.

47 Римское частное право. М., 1948, стр. 192.

48 Всеобщая история государства и права. Часть I, Древний Мир. М., 1945, стр. 131. Римское частное право. М., 1948, стр. 167.

ГЛАВА II. ПРАВОВОЙ СТАТУС АНТАРКТИКИ

Представляется очевидным, что решение основных политико-правовых вопросов Антарктики зависит от понимания ее международно-правового положения. Антарктика вполне оправданно может быть отнесена к пространствам, которые могут быть использованы с соблюдением определенных условий группой государств или всеми государствами (объекты общего пользования). К таким пространствам относятся, видимо, помимо Антарктики космические тела, международные реки и каналы, Шпицберген, Мировой океан. В отношении каждого из этих пространств отдельные государства (или группы государств) обладают определенными правами и обязанностями. Как представляется, эти права и обязанности можно попытаться сформировать в несколько общих групп, сочетание которых будет характеризовать в принципе правовое положение упомянутых объектов общего пользования и будет общим для них. При этом речь идет, конечно, не о формулировании какого-то радикально нового подхода, а о разумном применении уже имеющегося правового опыта.

1. Владение и собственность

В международном праве существует такое подразделение прав государства в отношении внутренней организации и распоряжения его суверенной территорией, как права управления, администрации и распоряжения. При этом нередко проводятся сравнения между содержанием суверенитета (*imperium*) и собственностью (*dominium*), как публичной, так и частной⁴⁶. Такое сравнение представляется полезным, позволяющим найти практически применимые аналогии. Так, уже в римском частном праве предпринимались попытки выделить из права собственности право распоряжения и пользования⁴⁷. На более раннем этапе сформировался также самостоятельный институт владения, подчас не только не совпадавший по содержанию с институтом собственности, но и прямо ему противостоявший⁴⁸. Выделение в самостоятельные понятия права владения, распоряжения и пользования было продиктовано практическими потребностями - развитие товарно-денежных отношений все чаще приводило к ситуации, когда объект, принадлежавший одному лицу, использовался другими лицами. В результате кроме собственности (*dominium*) возникла бонитарная собственность (*in bonus*), провинциальная собственность и собственность перегривов, сформировалось право владения (*possessio*), сервитуты (*servitutes*) и такой их вид, как узуфрукт (*usus fructus*), появилось "голое право" (*nudum jus*) и

⁴⁶ Броунли Я. Международное право /книга первая/. М., 1977, стр. 175.

⁴⁷ Римское частное право. М., 1948, стр. 192.

⁴⁸ Всеобщая история государства и права. Часть I, Древний Мир. М., 1945, стр. 131. Римское частное право. М., 1948, стр. 167.

"голая собственность" (*nuda proprietas*)⁴⁹. Соответствующие аналогии в той или иной форме можно найти, видимо, в любой из существующих в настоящее время правовых систем. Формальные попытки разделить право собственности наталкивались подчас на определенное сопротивление, т.к. тем самым как бы ставилось под сомнение единство господства собственника и всеобщности содержания его права, и при рецензии римского права такое деление нередко отрицалось, как наносящее ущерб интересам собственника.⁵⁰

Современная эпоха характеризуется резким ростом научно-технических возможностей человека. Появляется возможность осваивать ранее недоступные пространства (космос, Антарктика, морское дно), осуществлять новые виды деятельности. Возникают и возможности подчинять своему эффективному контролю и такие пространства, которые раньше считалось невозможным присвоить именно в силу их физико-географических характеристик. В результате с прошлого века, и особенно активно в последние десятилетия, предпринимаются попытки подобной международно-правовой регламентации деятельности человека в пределах пространств общего пользования, уточняется их правовое положение. Как представляется, усложнение видов такой деятельности, и, главное, видов и способов контроля над этими пространствами и их ресурсами, вынуждает отходить при их описании от традиционно известных международному праву видов их правового положения - суверенного владения, *res nullius* и *res communis*⁵¹. Целью данной работы не является изучение правового положения пространств с особым правовым положением, таких, как, например, подмандатные и подопечные территории, поскольку они не находятся в общем пользовании, хотя и они являются относительно новым явлением в международных отношениях, также, видимо, требующим для их правового описания отхода от традиционных стереотипов.

2. Объекты общего пользования.

Понятие правового статуса и правового режима.

Вероятно, можно с достаточной уверенностью утверждать, что в современном международном праве нередко признается делимость даже суверенитета⁵², т.е., иными словами, признается возможность ограничения суверенных прав, что находит свое проявление в существовании кондоминиумов, остаточного суверенитета, в уступке пользования и владения на вечные времена⁵³ и др. Это важное положение, поскольку, как представляется, именно неясность в том, какими универсальными юридическими формулировками можно описать вопрос о характере принадлежности того или иного пространства

49 Римское частное право. М., 1948, стр. 168-235.

50 Косарев А.И. Римское право. М., 1986, стр. 126.

51 Броунили Я. Указ.соч., стр. 173.

52 Там же, стр. 186.

53 Там же, стр. 181, 184.

отдельным государствам, группам государств или всему мировому сообществу в целом, и представляет основную сложность при попытках излагать правовое положение объектов общего пользования с помощью набора групп прав. Действительно, достаточно, видимо, ясно, что в такие группы могут быть объединены, например, права, касающиеся использования пространств и их ресурсов, управления ими, а также и распоряжения. Еще одну группу могут составить права, связанные с проблемой владения (*possessio*). Основополагающей же была бы группа прав, описывающих собственно принадлежность объекта общего пользования, перекликающуюся с понятием правового титула⁵⁴ или понятием собственности (*dominium*).

Для удобства принадлежность объекта можно было бы называть его правовым статусом. В сущности, этот термин в некоторых работах употребляется нередко и для обозначения всей совокупности правовых норм, регулирующих правовое положение тех или иных пространств, однако в данном случае с точки зрения практической целесообразности можно было бы несколько сузить его содержание. Близким по значению является термин "правовой титул"⁵⁵, однако он обычно используется для решения вопроса о суверенитете государства, и в данном случае его использование могло бы создать некоторую двусмыслинность.

Нужно также отметить, что эти права, касающиеся принадлежности пространства, возникают, как правило, не в силу Договора, а в силу определенных действий государства (его ясно выраженного намерения, существенной деятельности по освоению, в силу факта открытия и т.д.), и лишь формальное закрепление таких прав зависит от международного признания. В Конвенции ООН по морскому праву термин "правовой статус" встречается достаточно часто, однако в него в различных случаях вкладывается разное содержание. Так, в ст. 49 "Правовой статус архипелажных вод, воздушного пространства над архипелажными водами, а также дна и его недр" речь идет о суверенитете государства-архипелага на эти пространства. Понятие "суверенитет" может включать всю совокупность прав государства (его компетенцию) в отношении какого-либо пространства, и в этом смысле он намного шире, чем понятие "правовой титул", либо он используется как синоним "правового титула"⁵⁶. Из ст. 49 явствует, что речь идет скорее о всей совокупности прав, поскольку в п.3 уже говорится об использовании архипелажных вод. В п.2 оговаривается, что суверенитет осуществляется при определенных условиях, из чего, вероятно, следует, что понятие "суверенитет" в смысле ст. 49 и в целом части IV Конвенции делим.

В ст.2 "Правовой статус территориального моря, воздушного пространства над территориальным морем, а также его дна и недр" указывается, что на эти пространства распространяется суверенитет прибрежного государства, причем суверенитет распространяется "за пределы сухопутной территории". Из этого определения неясно, идет ли речь о правовом титуле или о всей полноте компетенции

54 Там же, стр. 197.

55 Там же.

56 Там же, стр. 197, 209, 210.

государства. В п.3, однако, речь идет об осуществлении суверенитета с соблюдением Конвенции, из чего следует, что такой суверенитет не является полным.

Права прибрежного государства в отношении континентального мельфа не названы правовым статусом (ст.77), однако в ст.78 говорится о правовом статусе покрывающих вод и воздушного пространства. На них, как известно, суверенитет прибрежного и других государств не распространяется, т.е. термин "правовой статус" тут употреблен для обозначения какого-то иного правового понятия.

В отношении международных пространств говорится, что их использование не затрагивает ни правового статуса вод, образующих такие проливы, "ни осуществления государствами, граничащими с проливами, их суверенитета или юрисдикции над такими водами". Иными словами, данная статья предполагает, видимо, что правовой статус проливных вод не является эквивалентом осуществления суверенитета припроливного государства. Более того, поскольку пролив может перекрываться территориальными водами, которые имеют свой правовой статус (ст. 2), то из этого следует, что физически одни и те же морские пространства имеют одновременно два правовых статуса. Если считать, что правовое положение проливов определяется не противоречими друг другу нормами, то нужно признать, что либо речь идет о правовой принадлежности территориальных вод в проливе не только припроливному государству, либо в понятие "правовой статус" вкладываются права государства, связанные, например, с использованием проливов, но не с вопросом об их принадлежности. Скорее всего, это так и есть, поскольку Конвенция говорит, по существу, лишь о праве пользования проливами (транзитный и мирный проход), т.е. об изъятиях из прав прибрежного государства, близких к тем, которые существуют в отношении использования территориальных вод.

Конвенция говорит лишь о правовом режиме экономической зоны, не упоминая о ее правовом статусе, хотя по существу статьи 55-58 регулируют те же вопросы, которые включались в других вышеупомянутых статьях в правовой статус.

В Конвенции ничего не говорится о правовом статусе открытого моря, имеются положения о правовом статусе морского дна за пределами национальной юрисдикции (ст.137 "Правовой статус Района и его ресурсов"). При этом в ст.137 ничего не говорится о принадлежности Района, о том, кому он принадлежит, хотя в ст. 136 указано, что Район и его ресурсы являются общим наследием человечества. Следовательно, надо полагать, что в понятие "правовой статус" не включаются права, касающиеся титула. Статья 137 указывает на недопустимость присвоения Района и его ресурсов. Тем самым, однако, вопрос о принадлежности вряд ли оказывается решенным, т.к., например, общая собственность вполне может предполагать отказ от ее делимости. Статья 137 решает также вопрос об отчуждении полезных ископаемых, т.е. включает в понятие "правовой статус" и право распоряжения.

Из вышеприведенного анализа, вероятно, можно сделать достаточно обоснованное заключение, что Конвенция ООН по морскому праву не дает определения понятия "правовой статус", не позволяет логическим путем достаточно точно установить его содержание. Тем не менее, в вопросах архипелажных и территориальных вод, а в определенной мере, и в вопросах континентального мельфа, экономической зоны и Района в это понятие вкладывается все-таки меньшее содержание, чем общее правовое положение этих пространств, и в ряде случаев к нему прямо не отнесены права на их использование.

Совокупность норм, определяющих порядок использования объекта, распоряжения и управления им, можно было бы для целей данного исследования считать правовым режимом этого объекта.

К правовому режиму целесообразно, видимо, отнести и права владения, в т.ч. как самими пространствами, так и находящимися в их пределах ресурсами. Конечно, владение может возникать в силу деятельности государства - его намерения и фактического осуществления. Тут, однако, надо, видимо, отличать такое владение, которое является одним из элементов возникновения правового титула и суверенитета. Этот случай, однако, в данном исследовании не рассматривается, т.к. права владения в отношении пространств общего пользования определяются в современную эпоху не столько в силу фактической деятельности государства в их пределах (хотя и это, конечно, имеет значение), а в силу договора. Именно наличие договорной основы и предопределяет, очевидно, целесообразность отнесения прав владения к правовому режиму.

Нужно, конечно, иметь в виду, что термин "правовой режим" также часто используется для обозначения всей совокупности норм, регулирующих правовое положение того или иного пространства. Тем не менее, в советской доктрине международного морского права уже нашло отражение вышеуказанное деление правового положения некоторых пространств на их правовой статус и режим⁵⁷, и оно, как представляется, позволяет более ясно и систематизированно показать правовое положение таких объектов, в т.ч. находящихся в общем пользовании.

Можно показать, как с использованием системы групп прав можно было бы в принципе охарактеризовать некоторые пространства, имея при этом, конечно, в виду, что правовая характеристика их не была бы исчерпывающей. Например, их размеры (в частности, мирина прибрежных морских зон, их границы) регулируются соответствующими нормами права, составляющими свою особую специфическую группу.

Различен ли правовой статус отдельных частей Мирового океана за пределами внутренних вод прибрежного государства? Отличается ли статус территориальных вод от статуса экономической зоны континентального шельфа и международного района морского дна? На первый взгляд, эти различия очевидны. Вместе с тем можно попытаться найти аргументы и в пользу противоположной точки зрения. Многовековая история международного морского права - это во многом борьба этих подходов - распространения на морские пространства прав собственности и суверенитета и непризнания таких попыток⁵⁸. Современное международно-правовое положение Мирового океана - также результат этих двух противоположных подходов. Для описания прав прибрежного государства на морские зоны используются термины "суверенитет", "суверенные права". Не является ли, однако, такой суверенитет, несмотря на терминологию, лишь формой владения, а не собственности? Как известно, институт владения предшествовал в римском праве институту собственности, причем владение со временем перерастало в собственность. Закончился ли этот процесс, например, в отношении территориальных вод? Права прибрежного государства существуют в силу прилегания

57 Молодцов С.В. Международное морское право. М., 1987, стр. 209-210, 220-221.

58 Там же, стр. 24-35.

тервод к его сухопутной территории, или, как это иногда классифицируется в доктрине международного права, в силу неотделимой и естественной принадлежности главной вещи⁵⁹. Иными словами, происхождение прав в отношении тервод несколько иное, чем в отношении сухопутной территории. Пока правовой статус тервод носит зависимый, производный характер от статуса сухопутной территории, и само существование этой зоны (как, впрочем, и других прибрежных зон) возможно лишь в силу существования самой суши. Прибрежные зоны неотделимы от суши и не могут существовать самостоятельно. Переход прав на сумму от одного к другому государству влечет и переход прав на морские зоны. В этой связи морские зоны, в т.ч. терводы вряд ли могут быть отчуждены самостоятельно, без одновременного отчуждения суши. Права на территориальные воды возникли в силу определенных исторических причин, являются международным обычаем, однако конкретные нормы сформулированы в Договорном порядке. Именно так, например, определены пределы этой морской зоны, уточнены права прибрежного государства и всех остальных стран. Соответственно отдельные элементы правового положения территориальных вод возникли в силу Договора и могут не носить характера признания уже существующих реальностей. Существенно также и то, что само понятие "территориальное море" определяется в Конвенции о территориальном море 1958 года и в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года вместе с определением понятия мирного прохода. Как представляется, эти понятия совершенно неотделимы друг от друга, что, собственно говоря, следует и из смысла ст.17 и ст.44 Конвенции о праве международных Договоров 1969 года. Что касается осуществления на практике прав прибрежных государств на территориальное море, то нельзя не признать, что даже этот морской пояс, непосредственно прилегающий к суше, освоен несравненно меньше ее. Эти воды используются лишь относительно интенсивно как транспортный путь. Конечно, здесь ведется рыболовство, начинают создаваться подводные плантации марикультуры, ведется добыча полезных ископаемых и с этой целью строятся достаточно постоянные сооружения и установки. Тем не менее, такая деятельность в целом, видимо, намного менее интенсивна, чем на прибрежных участках суши. Поэтому и права прибрежного государства на территориальное море носят во многом негативный характер - не допускать в этих пределах деятельность других государств. Физически воды территориального моря составляют единое целое с водами Мирового океана в целом, что серьезно сдерживает возможности прибрежного государства распоряжаться ими по своему усмотрению: например, захоронение вредных веществ на суше и в море - это две существенно различные с правовой точки зрения операции. Наконец, самое существенное, что отличает сумму от территориального моря - это то, что последнее практически не заселено на постоянной основе.

Все вышесказанное говорит лишь об ограничении прав прибрежного государства в отношении территориального моря. Поскольку и суверенные права могут быть ограниченными, вполне можно допустить, что они не только признаны международными

59 Броуни Я. Указ. соч., стр.278. Conforti B. Territorial Claims in Antarctica: A Modern Way to Deal With An Old Problem - Cornell International Law Journal, Vol. 19, N 2, Summer 1986, pp. 254-256.

Договорами, но и уже осуществляются на практике. Тем не менее, более точным представляется следующее. Несмотря на используемую в международных Договорах терминологию, реальное содержание прав прибрежных государств на прибрежные зоны (а все вымешказанное об ограничении таких прав в еще большей мере применимо к экономической зоне и континентальному шельфу) пока не соответствует по своей полноте подобным же правам в отношении суверенной сухопутной территории. Существенное различие заключается в уровне освоения этих пространств. По своему содержанию такие права скорее соответствуют праву владения при его перерастании в право собственности (суверенитета) и станут ему полностью эквивалентными на высокой стадии освоения, в частности, в случае создания постоянных поселений. Пока же, может быть, было бы более оправданно говорить, что весь Мировой океан за пределами внутренних вод в равной мере принадлежит всему человечеству (это и есть его правовой статус) с определенными изъятиями в отношении владения, управления, распоряжения (в частности, отчуждения ресурсов) и использования различных его частей.

Хотя авторы концепции Общего наследия человечества и утверждают, что она не регулирует вопрос о принадлежности соответствующих пространств, а лишь запрещает их национальное присвоение⁶⁰, тем не менее в силу просто здравого смысла понятно, что человечество в данном случае использует не чью-то, а свою собственность, имея, видимо, права на ее идеальные части⁶¹. Такой подход представляется вполне оправданным и в отношении открытого моря (*res communis*), тем более, что в отличие от прежних времен современная техника уже в принципе позволяет реально осуществлять право собственности в отношении его отдельных частей. Вместе с тем участки морского дна, выделенные в 1987 г. Франции, ССР, Японии и Индии Подготовительной комиссией для Международного органа по морскому дну для разведки запасов полиметаллических конкреций в целях их дальнейшей эксплуатации, находятся лишь во владении этих стран, продолжая оставаться собственностью всего человечества.

Интересно рассмотреть правовое положение архипелага Шпицберген, имеющее много общего с правовым положением Антарктики. Как известно, некоторые государства (ССР и Норвегия) обладают в отношении этого архипелага определенными историческими правами, которые, однако, пока не позволили им подчинить Шпицберген своей суверенной власти. Договор о Шпицбергене 1920 г. признает за Норвегией "полный и абсолютный суверенитет" в отношении архипелага, однако, как представляется, использование термина "суверенитет", как и в случае по отношению к некоторым морским зонам далеко не означает, что содержание его соответствует по характеру суверенным правам в отношении государственной территории. Этот "суверенитет" Норвегии

60 Larschan B. and Brennan B.C. The Common Heritage of Mankind Principle in International Law - Columbia J. of Transnational Law, Vol. 21, 1983, note 80. Joyner C.C. Legal Implications of the Concept of the Common Heritage of Mankind - International and Comparative Law Quarterly, Vol. 35, April 1986, part. 1, p. 191-192.

61 Римское частное право. М., 1948, стр. 194.

существует лишь в силу и на срок действия Договора 1920 г. и предполагает передачу Норвегии лишь некоторых преимущественных прав администрации и управления Шпицбергеном. Нужно отметить, что эти права зависят от согласия участника Договора, в отношении которого они применяются на практике. Норвегии лишь принадлежит инициатива в выдвижении каких-то мер по администрации и управлению. Все участники договора имеют право использовать архипелаг, а при наличии желания и осуществлять там право владения, что, например, и делает советская сторона, разрабатывая запасы угля. Правовой статус Шпицбергена - это ограниченные права собственности (суверенитета) нескольких государств, которые потенциально могут перерости в права полного суверенитета. Договор 1920 г. устанавливает правовой режим архипелага, определяя права владения, управления, администрации, в целом пользования этим пространством. Вероятно, участники договора, при обязательном согласии государств, имеющих потенциальные права суверенитета, могли бы и распоряжаться архипелагом.

3. Постоянный особый правовой статус

Антарктики и роль Договора 1959 года.

Нередко можно встретить точку зрения, что правовое положение Антарктики определяется Договором об Антарктике. Рассмотрим подробнее положение этого международно-правового документа.

Решает ли Договор вопрос о принадлежности Антарктики? Как известно, статья IV Договора касается территориальных претензий в Антарктике, по нередко употребляемой терминологии, "замораживает" их. По существу, в силу действия статьи IV уже заявленные претензии не отрицаются, но и не подтверждаются, и никакая деятельность не может служить основанием для подкрепления старых претензий или выдвижения новых, хотя и не наносит ущерба уже

существующим претензиям⁶². Содержание статьи требует, как представляется, некоторых пояснений.

Необходимо обратить внимание на то, как в статье IV говорится о территориальном суверенитете. Если обратиться к тексту статьи, то становится очевидным, что в ней речь идет лишь о правах или претензиях на территориальный суверенитет, но не говорится о существовании самого территориального суверенитета. Есть ли в Антарктике суверенитет какого-либо государства или нет — этот вопрос статья IV не затрагивает, хотя из нее скорее существует, что окончательной ясности тут пока еще нет (если судить, исходя из текста Договора). Для целей же данного исследования важно другое: статья IV прямо не регулирует ни вопрос территориального суверенитета, ни принадлежности Антарктики. Однако это не означает отсутствия связи, о чем будет сказано несколько ниже.

В таком случае, что же означает эта статья Договора? Рассмотрим для этого ее отдельные пункты. Пункт 1 определяет, каков стал статус территориальных претензий в условиях существования Договора: содержание Договора на означает отказа государства-участника от ранее заявленных прав или претензий на территориальный суверенитет, а также отказа от основы для таких претензий или ее сокращения. Содержание Договора не наносит одновременно и ущерба позиции государства-участников в отношении признания или непризнания права или претензии на территориальный суверенитет.

62 Статья IV Договора звучит следующим образом:

"1. Ничто содержащееся в настоящем Договоре не должно толковаться как:

а) отказ любой из Договаривающихся Сторон от ранее заявленных прав или претензий на территориальный суверенитет в Антарктике;

б) отказ любой из Договаривающихся Сторон от любой основы для претензий на территориальный суверенитет в Антарктике или сокращение этой основы, которую она может иметь в результате ее деятельности или деятельности ее граждан в Антарктике или по другим причинам;

с) наносящее ущерб позиции любой из Договаривающихся Сторон в отношении признания или непризнания ею права или претензии, или основы для претензии любого другого государства на территориальный суверенитет в Антарктике.

2. Никакие действия или деятельность, имеющие место, пока настоящий Договор находится в силе, не образуют основы для заявления, поддержания или отрицания какой-либо претензии на территориальный суверенитет в Антарктике и не создают никаких прав суверенитета в Антарктике. Никакая новая претензия или расширение существующей претензии на территориальный суверенитет в Антарктике не заявляется, пока настоящий Договор находится в силе".

Таким образом, пункт 1 статьи IV регулирует правовые последствия для государств-участников (точнее говоря, говорит об отсутствии таких последствий) в отношении претензий на территориальный суверенитет или непризнания таких претензий, вытекающие из содержания Договора. Иными словами, Договор в этой части касается позиций сторон, выдвинувших территориальные претензии или не признающих такие претензии.

В пункте 2 статьи IV регулируются правовые последствия любых действий или деятельности в Антарктике - они не создают основы для заявления, поддержания или отрицания какой-либо претензии на территориальный суверенитет. В этом случае достаточно ясно видно, что Договор регулирует не принадлежность самого пространства, а правовые последствия для позиций сторон, выдвинувших претензии или не признающих их, в результате какой-либо деятельности. Из содержания этого пункта можно, видимо, также сделать вывод, что права владения в Антарктике не могут по соглашению сторон передаваться в права собственности (суверенитета).

Кроме того, в пункте 2 говорится, что в период действия Договора никакие новые претензии на заявляются, а существующие претензии не расширяются. И в этом случае Договор регулирует деятельность государств, выдвинувших претензии (запрещает заявлять или расширять претензии), но не правовую принадлежность самого пространства Антарктики.

Подводя итог, можно констатировать следующее. Пункт 2 статьи IV определяет правовые последствия какой-либо деятельности, связанной с выдвижением претензий на территориальный суверенитет или последствия их непризнания, т.е. определяет один из элементов правового режима Антарктики (но не правового статуса). Пункт 1 статьи IV говорит уже о воздействии Договора на позиции государств, выдвинувших претензии и признающих их, и одновременно, что важно, косвенно затрагивает один из элементов правового статуса Антарктики. Статья IV не утверждает, что у какого-либо государства есть права на территориальный суверенитет. Но она исходит из того, что такие права (в какой-то форме) могут существовать. Не является ли Антарктика ничейной землей (*terra nullius*), т.е. пространством, не принадлежащим никому, и которым можно завладеть?⁶³ Возможность существования такого правового статуса признается в литературе, хотя понятие *terra nullius* возникло в период эпохи Великих географических открытий и в настоящее время несколько утрачивает свое значение в смысле применимости к пространствам (но не к ресурсам, которые нередко рассматриваются в качестве "ничейной вещи" - *res nullius*).⁶⁴

Конечно, с точки зрения физических возможностей Антарктика может быть объектом присвоения. Однако в точно таком же положении находятся и, например, пространства Мирового океана, которые в силу развития технических возможностей человечества также могут быть подчинены, например, суверенитету. В данной проблеме важен,

63 Beck P.J. The International Politics of Antarctica. Croom Helm, London and Sydney, 1986, p. 141; Larschan B. and Brennan B.C. Op. cit., p. 315.

64 Международное право (под ред. Ф.И.Кожевникова). М., 1987, стр. 162. Larschan B. and Brennan B.C. Op. cit., p. 213. Joyner C.C. Op. cit., p. 193, 194.

видимо, другой аспект - аналогичен ли правовой статус Антарктики статусу "ничейной земли", или она уже принадлежит в какой-то форме определенным государствам и не может именно по этой причине служить объектом присвоения.

В пункте 2 статьи IV говорится: "Никакая новая претензия или расширение существующей претензии на территориальный суверенитет в Антарктике не заявляется, пока настоящий Договор находится в силе". Что означает это положение? Если считать, что Антарктика является "ничейной" землей, то тогда никак обоснованию нельзя объяснить, почему Договор об Антарктике запрещает заявлять новые претензии. Во всяком случае, не только для того, чтобы не создавать конфликтных ситуаций с государствами, уже заявившими здесь свои территориальные претензии, поскольку часть антарктического материка не была охвачена такими территориальными претензиями. Хотя в статье IV нет прямого указания на правовой статус Антарктики, тем не менее было бы логично признать, что авторы Договора, видимо, исходили из того, что антарктическое пространство уже не является "ничейным", т.е. что правовой статус Антарктики уже по крайней мере не "terra nullius". Эта мысль подтверждается также следующими соображениями. Во-первых, как уже указывалось, статья IV относится ко всей Антарктике, а не только к той ее части, на которую были заявлены территориальные претензии, т.е. ее положения касаются не только взаимоотношений между государствами, заявившими в Антарктике территориальные претензии. Во-вторых, именно положения пункта 2 статьи IV носят безличный характер. Это достаточно существенное обстоятельство. Если обратиться к пункту 1 статьи IV, то нельзя не заметить, что все его положения относятся только к договаривающимся сторонам. Соответственно, неоправданно было бы полагать, что в пункте 2 той же статьи IV упоминание договаривающихся сторон было опущено случайно. Видимо, правильно было бы считать, что авторы Договора адресовали положения пункта 2 статьи IV не только к договаривающимся государствам, но и ко всему мировому сообществу, т.е. подчеркивали характер и последствия деятельности в Антарктике не только участников Договора, но и любого другого государства, тем самым имея в виду правовой статус Антарктики не только в понимании участников Договора, но и применительно ко всем государствам мира.

Конечно, нельзя не обратить внимание, что формально статья IV может связывать только участников Договора. Вместе с тем вполне правомерно предположить, что статья IV может отражать уже сложившийся применительно к Антарктике обычай. Однако если это так, то тогда необходимо признать, что Антарктика и до заключения Договора 1959 г. уже не являлась "ничейной". Как представляется, для такого предположения имеются достаточные основания, о которых будет сказано далее.

Представляет интерес содержание статьи VIII Договора, касающейся юрисдикции над всеми физическими лицами в Антарктике. Согласно этой статье, наблюдатели, а также научный персонал, которым стороны обмениваются согласно статье III, "находятся под юрисдикцией только той Договаривающейся Стороне, гражданами которой они являются". Вопросы юрисдикции в отношении всех остальных физических лиц в Договоре не определены. Единственно, в статье VIII упомянуто, что ее положения неnanoят "ущерба для соответствующей позиции каждой Договаривающейся Стороны относительно юрисдикции над всеми другими лицами в Антарктике". Такое решение Договором вопроса о юрисдикции также, конечно, не предопределяет правового статуса Антарктики, хотя и дает определенное основание считать, что здесь не существует территорий, находящихся в суверенном владении.

Теперь следует ответить на следующий напрямывающийся вопрос - если статья IV не лежит в основе правового статуса Антарктики, то, может быть, Договор не образует в этом отношении нового качества? Может быть, правовой статус всей Антарктики в настоящее время эквивалентен или близок статусу того же района, который не был охвачен территориальными притязаниями?⁶⁵

Вряд ли можно было бы согласиться с такой крайней точкой зрения, не учитывающей широкого круга вопросов, регулируемых Договором об Антарктике. Вместе с тем представляется, что существование правового статуса Антарктики прямо и непосредственно Договором все-таки не определяется.

Действительно, Договор говорит об элементах международно-правового режима Антарктики, которые не имеют прямого отношения к вопросу о принадлежности Антарктики. То, что на определенном пространстве в Договорном порядке разрешена только мирная деятельность, установлена свобода научных исследований, запрещены ядерные взрывы и предусмотрено право инспекции, еще не предполагает его правового статуса. Такие отдельные элементы Договора (особенно по вопросам демилитаризации), встречаются в международной Договорной практике и в отношении территорий, находящихся в суверенном владении.

В этой связи уместно еще раз в качестве примера привести Договор о Шпицбергене, который, признавая "полный и абсолютный суверенитет Норвегии над архипелагом Шпицберген" (статья 1), тем не менее указывает, что "граждане всех Высоких Договаривающихся Сторон будут иметь одинаковый свободный доступ для любой цели и задачи в воды, фьорды и порты местностей, указанных в статье 1, и право остановки в них; они могут заниматься в них без каких-либо препятствий, при условии соблюдения местных законов и постановлений, всякими судоходными, промышленными, горными и торговыми операциями на условиях полного равенства" (статья 3)⁶⁶.

Нельзя не упомянуть в этой связи и о режиме некоторых международных проливов, каналов и рек, находящихся также в суверенном владении одного или нескольких государств, однако используемых на определенных условиях другими государствами.

Таким образом, как уже было отмечено выше, положения статьи IV Договора об Антарктике не подтверждают территориальных притязаний, но и не отрицают их, не определяя вопрос о принадлежности Антарктики.

Советский Союз, как известно, не признает территориальных претензий в Антарктике. Однако, что существенно, не признаются не все претензии, а лишь претензии других государств. Сам Советский Союз ясно заявил о наличии у него прав в Антарктике, включая

65 Butler S.O. Owning Antarctica. - Cooperation and Jurisdiction at the South Pole - Journal of International Affairs, N.Y., Vol. 31, N 1, Spring/Summer 1977, p. 49.

66 Сборник действующих Договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. IX, издание НКИД, М., 1938, стр. 53.

право на выдвижение соответствующих территориальных претензий⁶⁷. В ином случае позиция СССР могла бы означать, что Антарктика является либо "общей собственностью", либо "ничейной землей".

Никогда, однако, советская сторона не заявляла, что не признает вообще никаких прав других государств в Антарктике. Уместно также отметить, что в советских заявлениях наиболее настойчиво проводится мысль о незаконности какого-либо сепаратного разрешения вопроса о государственной принадлежности Антарктики, что далеко не значит, что Антарктика является "ничейной землей".

Таким образом, статья IV Договора лишь косвенно затрагивает вопрос о правовом статусе Антарктики. Может быть, Договор в целом как-либо определяет этот вопрос, например во взаимосвязи с выдвинутыми ранее территориальными претензиями?

Как правило, почти каждый автор при рассмотрении антарктических вопросов ссылается на факт существования территориальных претензий, а в ряде работ эти претензии подвергаются серьезному и подробному изучению⁶⁸. Иногда утверждается, что современный статус Антарктики образуется за счет существования и претензий, и Договора об Антарктике⁶⁹. Как уже отмечалось, может показаться, что для этого имеются достаточные основания, так как на первый взгляд правовой статус Антарктики во многом определяется статьей IV Договора, в которой используется терминология, говорящая о правах или претензиях на территориальный суверенитет. Однако тут следует отметить следующие обстоятельства. Территориальные претензии близки между собой, но не одинаковы - они имеют разное юридическое содержание и собственную конфигурацию у различных государств. Они также

67 Обмен письмами между Государственным департаментом США и Посольством СССР в США по вопросу об Антарктике. "Правда", 4 июня 1958 г. См. также: Депоров Ю. Антарктика - зона мира и сотрудничества. - "Международная жизнь", 1983, N 10, стр. 39.

68 Броунли Я. Указ. соч., стр. 237-239, 383; Голицын В.В. Антарктика - район мирного сотрудничества. - В кн.: Советское государство и международное морское право. М., 1977. Cerone R.J. Survival of the Antarctic Treaty: Economic Self-Interest V. - Enlightened Intern. Coop. - Boston College Intern. and Comparat. Law J., 1978, vol. 2, pp. 116-117.

69 Pallone F. Resource exploitation: The threat to the legal regime of Antarctica. - The Intern. Lawyer, Summer 1978, vol. 12, p. 558. Simma B. The Antarctic Treaty as a Treaty Providing For an "Objective Regime" - Cornell International Law Journal, Vol. 19, N 2, summer 1986, p. 189.

менялись и не все ограничены с севера 60° ю.ш.⁷⁰. Кроме того, претензиями охвачено не все пространство Антарктики, - район между 90° и 150° з.д. остался ими не затронут. В то же время режим, установленный Договором, распространяется в равной мере на все части Антарктики, с учетом, естественно, положений статьи VI. Возникает в таком случае вопрос: какая связь существует между режимом, установленным Договором, и режимом, существовавшим до него? Как уже было отмечено, претензии неодинаковы между собой, а, главное, существует район Антарктики, на который никто прямо не претендовал.

Соответственно, если Договор установил единый для всех частей Антарктики режим, в том числе и для района, лежащего между 90° и 150° з.д., то по крайней мере очевидно, что прямой связи между ним и территориальными претензиями, имевшими определенную конфигурацию, нет.

Важнейшим актом, оказавшим самое непосредственное влияние на формирование правового статуса Антарктики, было заявление Советского Союза о наличии у него прав в отношении Антарктики вплоть до права на выдвижение территориальных претензий. Конечно, такой шаг не является выдвижением конкретной территориальной претензии, но значение его тем не менее крайне велико. Очевидно, что в отличие от всех ранее выдвинутых претензий, права СССР могут касаться любой части Антарктики. Согласно теориям первичного завладения и эффективной оккупации для распространения суверенитета на вновь открытые земли достаточно было доказать сам факт открытия, обеспечить их эффективную оккупацию и, наконец, выдвинуть территориальную претензию⁷¹. Если встать на такую точку зрения, то у СССР действительно имеется достаточно прав, чтобы говорить о праве выдвинуть в Антарктике территориальные претензии. А если это так, то Антарктику уже никак нельзя рассматривать в качестве *terra nullius*.

Важно отметить, что и США заявили о наличии у них прав, аналогичных тем, которые имеются у Советского Союза. В письме Государственного департамента США Посольству СССР в США от 2 мая 1958 г. указывалось:

"Соединенные Штаты в течение многих лет имели и продолжают иметь в настоящее время прямые и значительные права и интересы в Антарктике.

В течение многих лет, с начала 1800 годов, многие территории района Антарктики были открыты, наблюдаются, исследованы гражданами Соединенных Штатов и экспедициями под флагом Соединенных Штатов и на них предъявлены претензии от имени

70 Подробнее о территориальных претензиях в Антарктике см.: Молодцов С.В. Современное международно-правовое положение Антарктики. М.: Госюриздан, 1954, с. 17-35; Броунли Я. Указ. соч., стр. 237-239, 383. Hackworth G.H. Digest of international Law. (Washington) 1940, vol. 1, pp. 456-476; U.S. Naval War College. Intern. Law Documents, (Washington), 1948-1949, 1950, pp. 231, 233; Jessup P., Taubengfeld H. Controls for Outer Space and the Antarctic Analogy, N.Y., 1959, pp. 137-158; Doc. A/39/583 (Part 1) от 31 декабря 1984 г., стр. 16-27, 52-55.

71 Международное право, указ. соч., стр. 162.

Соединенных Штатов, в течение этого периода правительство Соединенных Штатов и их граждане проводили хорошо известную и обширную деятельность в Антарктике.

Ввиду упомянутой выше деятельности Соединенных Штатов и их граждан мое правительство сохраняет за собой все права Соединенных Штатов в отношении района Антарктики, включая право предъявить территориальную претензию или претензии.⁷²

Таким образом, территориальные претензии, не охватывающие все пространство Антарктики, если их рассматривать каждую в отдельности, а также учитывая, что они не признаются многими государствами, сами по себе не создают какого-то правового статуса всей Антарктики. Поэтому их бессмысленно изучать с точки зрения обоснованности, конфигурации, сроков выдвижения и т.д. Однако важен другой аспект проблемы, связанный с территориальными претензиями - существование, по крайней мере у одного государства (СССР), прав, достаточных для выдвижения территориальной претензии в отношении любой части Антарктики. Кроме того, даже если не углубляться в исследование вопроса, какие из претензий других государств и в какой мере могут быть обоснованы, тем не менее самого факта их существования, а, главное, факта существования прав у Советского Союза, достаточно, чтобы говорить, по крайней мере, об одном аспекте правового статуса Антарктики - о том, что она уже не является "ничейной".

Какова же в таком случае роль Договора 1959? Он, несомненно, хотя и косвенно, затрагивает вопрос о правовом статусе Антарктики, в принципе допуская ситуацию существования у отдельных государств каких-то прав. Это, конечно, далеко не окончательная, подробная и ясная характеристика правового статуса, но это уже "нечто", это уже какой-то позитивный элемент, который может послужить основанием для дальнейших выводов. Кроме того, роль Договора - это упорядочение человеческой деятельности в Антарктике. Заключенный в условиях острых противоречий между государствами, выдвинувшими территориальные претензии, и государствами, их не признающими, Договор по существу обеспечил порядок в осуществлении некоторых видов деятельности в Антарктике, ликвидировал основу для взаимных столкновений по достаточно узкому, но тем не менее наиболее актуальному кругу вопросов.

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса об особых правах некоторых участников Договора, уточним, не является ли он временным, рассчитанным на какой-то определенный срок, как это иногда утверждается.

Действительно, что дает основания предполагать, что установленный Договором об Антарктике правовой режим является временным? В большинстве случаев такая точка зрения опирается на положения пункта 2 (а) статьи XII Договора, устанавливаемого, что по истечении тридцати лет со дня вступления Договора в силу может быть созвана конференция всех договаривающихся сторон для рассмотрения вопроса о том, как действует Договор. Соответственно, в некоторых исследованиях делается вывод, что якобы срок действия Договора является ограниченным, а

установленный им режим - временным⁷³.

В этой связи можно высказать следующие замечания. Во-первых, в Договоре нет ясно выраженного положения о том, что его срок действия ограничен⁷⁴. Статья XII предусматривает лишь процедуру возможного пересмотра Договора через тридцать лет. Если в обычном порядке поправки и изменения могут быть внесены в Договор лишь по согласию всех государств - участников Консультативных советов, то на предусмотренной конференции предполагается уже процедура их одобрения квалифицированным большинством, включая большинство голосов государств - участников Консультативных советов. Видимо, это еще не означает, что Договор будет обязательно пересмотрен.

Конечно, можно предположить, что с течением времени возможно такое коренное изменение обстоятельств (*rebus sic stantibus*), которое вызвало бы необходимость пересмотра Договора или прекращения его действия⁷⁵.

Например, очевидно, что права Советского Союза в отношении Антарктики, о которых говорилось, в частности, в письме посольства СССР в Вашингтоне Государственному департаменту США от 2 мая 1958 года, могут при определенных обстоятельствах быть реализованы. Однако это не дает права считать Договор об Антарктике заключенным на какой-то ограниченный срок. До тех пор, пока условия, перечисленные в Договоре, сохранятся (это касается, в первую очередь, территориальных претензий, использования Антарктики в мирных целях, запрещения ядерных взрывов), нет оснований предполагать, что какие-то иные обстоятельства могут привести к необходимости его пересмотра. Кроме того, важно, что нормы и принципы, определяющие международно-правовой режим Антарктики, не остаются неизменными, а постоянно развиваются⁷⁶. Это происходит как в результате принятия и одобрения рекомендаций в рамках Консультативных

73 Spivak J. Frozen Assets? - The Wall Street Journal, February 21, 1974, p. 27; Evening Post (N.Z.) April 5, 1979. См. также: Деканозов Р.В. Некоторые вопросы юридической природы территорий (пространств), изъятых из сферы государственного суверенитета - Советский ежегодник международного права, 1973, М.: Наука, 1975, стр. 203.

74 Вполне оправданной представляется позиция большинства юристов, считающих Договор бессрочным. См., например: Молодцов С.В. Договор об Антарктике - "Советское государство и право", N 5, 1960, стр. 72.

75 Ковалев Ф.Н. Коренное изменение обстоятельств (доктрина и практика) - "Советское государство и право", N 3, 1970. Венская конвенция о праве международных Договоров 1969 г., статья 62. Международное право в документах. М.: Юридическая литература, 1982, стр. 90.

76 Mink P.T. Oceans: Antarctic Resource and Environmental Concerns - Department of State (United States) Bulletin (Washington, D.C.), N 78, April 1978, p. 53. Sollie F., The New Development in the Polar Regions. In: Finn Sollie et al.: The Challenge of New Territories, Oslo. 1974, p. 34. Skagestad G. and Traavik K. Op. cit., pp. 47-48.

совещаний, так и в результате заключения новых международных соглашений, связанных с Договором об Антарктике - Конвенции о сохранении тюленей Антарктики, Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики, Конвенции по регулированию использования минеральных ресурсов Антарктики.

Таким образом, говоря о пересмотре или прекращении действия Договора, следует иметь в виду его место в системе международных Договоренностей в отношении Антарктики.

Вышеприведенные соображения дают, видимо, основание утверждать, что Договор установил в отношении Антарктики режим не временный, а постоянный⁷⁷, и к тому же предусмотрел возможность его дальнейшего развития.

Интересно отметить, что Договор не предусматривает процедуры выхода участников из него иначе, как путем отказа от ратификации изменений или поправок к нему (статья XII). Видимо, это тоже определенный показатель характера Договора, как документа, устанавливающего постоянный правовой режим.

На чем же основывается правовой статус Антарктики и каково его содержание?

Ряд государств в разное время внесли крупный вклад в изучение и освоение Антарктики - это, собственно, ее открытие русскими мореплавателями⁷⁸, исследование отдельными экспедициями, изучение на международной основе в рамках Международного геофизического года и предыдущих Первого (1882 г.) и Второго (1932 г.) полярных годов, современное научное познание Антарктики с помощью постоянно действующих полярных станций и, наконец, изучение в ходе rationalного использования ее природных ресурсов. При этом вносят, конечно, свой вклад в освоение Антарктики и некоторые государства, расположенные вблизи от этого континента.

Серьезную основу имеют права СССР в отношении Антарктики. В ответе Посольства СССР в США на письмо Государственного департамента США от 2 мая 1958 года указывалось, в частности, что "Советский Союз сохраняет за собой все права, основанные на открытиях и исследованиях русских мореплавателей и ученых, включая право на предъявление соответствующих территориальных претензий в Антарктике". Наличие у Советского Союза таких прав в отношении Антарктики объясняется, во-первых, тем, что Антарктика была открыта русскими мореплавателями. Во-вторых, Советский Союз сыграл весьма значительную роль в научном изучении Антарктики и в освоении ее ресурсов. В Антарктике открыты и действуют семь советских научных станций, на которых работает несколько сот человек. Научные открытия и исследования, проведенные советскими учеными, во многом составляют основу современных знаний, которыми располагает человечество в отношении Антарктики. Советский Союз в числе первых государств начал освоение морских живых ресурсов Антарктики и в настоящее время использует их в своем народном

77 Курс международного права, т. 3, М., 1967, стр. 393.
Skagestad G. and Traavik K., Op. cit., p. 41.

78 Шведе Б.Е. Открытие Антарктиды русскими мореплавателями. М., 1952; Tetzeli H.M. Allocation of Mineral Resources in Antarctica: Problems and a Possible Solution - Hastings International and Comparative Law Review, Vol. 10, N 2, Winter 1987, p. 526.

хозяйстве. Таким образом, Советский Союз вкладывает весьма значительные средства в изучение и освоение Антарктики, что, несомненно, подкрепляет его определенные права в этом регионе.

По сути дела, вся деятельность по освоению Антарктики близко перекликается с тем, что, как уже указывалось, в буржуазной доктрине международного права признавалось или признается в качестве основания для приобретения титула в отношении территорий, ранее никому не принадлежавших, - открытие, продолжительное использование, создание постоянных поселений (эффективная оккупация), заявление о своих правах⁷⁹. Нужно упомянуть и такие основания, которые, хотя и носят спорный

- 79 По этим вопросам, касающимся возникновения прав в отношении территории, см.: Дурденевский В.И. Проблема правового режима приполярных областей (Арктика и Антарктика). - Вестник МГУ, 1950, № 7, стр. 111-114; Хайд Ч.Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки. М.: Иностранная литература, 1951, т. 2, стр. 55-67; Молодцов С.В. Современное международно-правовое положение Антарктики, М.: Госиздат, 1954, стр. 35-39; Броунли Я. Указ. соч., стр. 202-276; Smedal G. Acquisition of Sovereignty over Polar Areas, Oslo, 1931; Hyde C.C. Acquisition of Sovereignty over Polar Areas. - Amer J. Intern. Law, Vol. 27, 1933; Bernhardt J.P. Sovereignty in Antarctica. - In: Hearings before the Subcommittee on Oceans and International Environment: 94-th Congress, 1st session, U.S. Policy with Respect to Mineral Exploration and Exploitation in the Antarctic, May 15, 1975, p. 85-112; Cerone R.J. Op. cit., pp. 116-120; Simsarian, Acquisition of Legal Title to Terra Nullius - Political Science Quarterly (N.Y.), Vol. 53, 1938; Guyer R.E. The Antarctic System. - Recueil des Cours de l'Academie de Droit International (RdC), 1973, N 11, pp. 160-161; Skagestad G., Traavik K. New Challenge of New Territories, Oslo, 1974, pp. 40, 46; Butler S.O. Po. cit., p. 41; Conforti B., op. cit., pp. 254-256. В этой связи, как отмечалось рядом авторов, постоянно действующие в настоящее время в Антарктике научные станции, в том числе и советские, могли бы рассматриваться в качестве осуществления эффективной оккупации этого района, и при отсутствии Договора об Антарктике создавали бы права на территориальный суверенитет. См.: Auburn F.M., Offshore Oil..., Op. cit., pp. 146, 147, 157; Auburn F.M. The Case of the Leningradskaya Nunatak-5 Recent Law 1970, pp. 253-254; Auburn F.M. The Ross Dependency. The Hague, Martinus Nijhoff, 1972, pp. 36-38; Wederell D. Antarctic: Last Reserve or Open Slather? - National Business Review, December 11, 1975; Piper A. Frozen Mineral Waters - Nature (London), vol. 260, 1976, p. 183; Hackworth G.H. Digest of International Law (Washington, D.C.), vol. 1, 1940, p. 339; Evening Post (N.Z.), April 5, 1979; Potter N. The Antarctic: Any Economic Future? - Bul. Atom. Sci. (Chicago), vol. 26, N 10, December 1970, pp. 94-99. Cerone R.J. Op. cit., pp. 117-121; Butler S.O. Op. cit., p. 40; Auburn F.M. Offshore Oil..., Op. cit., pp. 149, 167; Auburn F.M. The Ross Dependency, Op. cit., p. 36.

характер, но тем не менее используются в качестве обоснования претензий - сопредельность, унаследованные права, геологическое сходство, географическая близость, секторальный подход, выполнение административных актов⁸⁰.

История правового положения Антарктики именно по этому пути и развивалась, и к середине 40-х годов территориальный раздел континента практически был почти завершен. В силу определенных причин Антарктика все-таки не была подчинена суверенной власти каких-либо стран, но к концу 50-х годов ясно определилась группа государств, которые реально участвовали в освоении Антарктики, имели обоснованное отношение к определению ее территориальной принадлежности и которые заключили Договор 1959г., став его первоначальными участниками. После заключения договора вопрос о принадлежности Антарктики уже никогда не превращался в острую политическую проблему, однако это не значит, что этот вопрос вообще не существует. Его решение есть продукт согласованной политической воли упомянутой группы государств, и правовой статус Антарктики на эту волю опирается и ею поддерживается. Правовой статус Антарктики является особым, не похожим на правовой статус других известных пространств, однако имеет, видимо, много общего с правовым статусом Шпицбергена⁸¹. Точно так же, как и в отношении этого архипелага, государства, имеющие права на предъявление территориальных претензий или претендующие, что имеющиеся у них права достаточны для этого, пришли к выводу, что в интересах всего человечества желательно не настаивать на реализации таких прав, но одновременно и не отказываться от них. В определенной мере это нашло отражение в ст. IV Договора 1959 г., хотя, конечно, ясно, что подобные права существовали и до 1959 г. и будут продолжать существовать до тех пор, пока соответствующие страны сами от них по каким-либо причинам не откажутся. Правовой статус Антарктики, таким образом, это ограниченные или потенциальные права суверенитета (собственности) группы государств, нечто перекликающееся с понятием *lura proprietas* ("голая собственность") римского права. Эта аналогия, однако, условная, т.к. первоначальные участники Договора осуществляют в Антарктике также права владения, управления и пользования.

Понятно, конечно, желание некоторых юристов свести правовой статус Антарктики к уже известным вариантам - к суверенному владению, кондоминиуму, "ничейной земле", "общей собственности", "общему наследию человечества". Такой подход вряд ли, однако, оправдан в отношении этого континента. История его освоения специфична и своеобразна, физико-географические условия уникальны. Ни с политической, ни с географической точки зрения Антарктика не имеет полных аналогов, поэтому было бы справедливо относиться к ней так, какая она есть, исходя в первую очередь из необходимости правильно и обоснованно решать ее экологические, ресурсные и, конечно, политические проблемы, не пытаясь их приспособить к уже имеющимся стереотипам, а творчески, гибко и разумно используя уже имеющийся совокупный багаж правового регулирования межгосударственных отношений.

80 Док. ООН Ф/39/583 (Part I) от 31 октября 1984 г., стр. 18.

81 Beck P.J. Op.cit., p. 141.

Определяя подобным образом правовой статус Антарктики, необходимо внести ясность в следующие вопросы: когда этот статус окончательно сформировался; не означает ли такой подход признания территориальных претензий или наделения некоторых стран правами, которых они не имеют; могут ли быть права, лежащие в основе правового статуса, когда-нибудь реализованы в территориальный суверенитет; может ли измениться состав группы государств, права которых определяют статус Антарктики.

О процессе формирования и становления особого правового статуса Антарктики можно высказать следующие соображения. Как известно, Антарктика была открыта в XIX веке, территориальные претензии были заявлены до начала пятидесятых годов этого века. О наличии прав, достаточных для выдвижения территориальных претензий в 1939 и в 1958 гг. заявил СССР. Подобное же заявление было сделано и со стороны США⁸². В ноте правительства США от 2 мая 1958 г., содержащей предложение о созыве международной конференции по Антарктике, говорилось:

"Соединенные Штаты в течение многих лет имели и продолжают иметь в настоящее время прямые и значительные права и интересы в Антарктике. В течение многих лет, с начала 1800 годов, многие территории района Антарктики были открыты, наблюдаются, исследованы гражданами Соединенных Штатов и экспедициями под флагом Соединенных Штатов и на них были предъявлены претензии от имени Соединенных Штатов. В течение этого периода правительство Соединенных Штатов и их граждан производили хорошо известную и обширную деятельность в Антарктике.

Ввиду упомянутой выше деятельности Соединенных Штатов и их граждан мое правительство сохраняет за собой все права Соединенных Штатов в отношении района Антарктики, включая право предъявить территориальную претензию или притензии".

Претензии семи стран на территориальный суверенитет не покрывали всего антарктического пространства. Заявления СССР и США касались всей Антарктики и они были последними из тех, которые затрагивали вопрос о принадлежности Антарктики. Нужно, видимо, считать, что именно к этому моменту завершилось формирование совокупности обстоятельств (открытия и освоение континента, заявление о правах), которые легли в основу правового статуса Антарктики. Представляется, однако, что только заключение в 1959 г. Договора придало такому статусу окончательный и определенный вид. Во-первых, Договор урегулировал вопрос о претензиях и правах на территориальный суверенитет. Во-вторых, Договор был заключен как бессрочный. В-третьих, Договор создал как бы "надстройку" над правовым статусом, определив порядок использования Антарктики.

Советский Союз не признает территориальных претензий в Антарктике, однако он никогда не заявлял, что вообще не признает никаких прав других государств в отношении этого района. СССР не возражал и в связи с высказываниями государственных деятелей США о правах, достаточных для выдвижения претензий. Конечно, отрицание даже существования каких-то прав могло бы несколько усилить позицию по непризнанию территориальных претензий. Однако

82 Ibid., p. 37. Док. ООН A/39/583 (Part 1) от 31 октября 1984 г., стр. 22. См. также: Colson D.A. The United States Position in Antarctica - Cornell International Law Journal, Vol. 19, N 2, Summer 1986, p. 291-300.

такой подход имеет большие отрицательных сторон, чем положительных. Во-первых, совершенно бесспорно, что некоторые государства приложили за последние сто лет серьезные усилия по освоению Антарктики, и сбрасывать эти усилия полностью со счетов было бы, видимо, необоснованно. Во-вторых, если говорить о наличии в Антарктике только прав СССР, отрицая любые права других стран, то это поставит под сомнение правомерность вообще всей международно-правовой конструкции Договоренностей об Антарктике. Чтобы избежать одновременно подтверждения чьих-либо прав, вероятно, целесообразно, исходя из конкретных условий, говорить о правах некоторых стран, имея при этом в виду первоначальных участников Договора 1959 г., но не уточняя, в какой мере каждая из этих стран занимает достаточно обоснованную позицию. Видимо, сам факт взаимного согласия на участие именно этих стран в конференции по принятию Договора и то, как он был сформулирован, говорит само за себя. Советский Союз согласился на проведение конференции именно в таком составе и стал участником Договора в том виде, как он сформулирован. С таких же позиций можно взглянуть и на возможность существования прав у тех участников Договора, которые не заявили территориальных претензий и не указали на наличие у них территориальных прав в Антарктике. Первоначальные участники Договора являются по существу коллективными взаимными гарантами (в частности, Япония) именно такого правового статуса Антарктики, каков он есть сейчас, и в силу даже только одного этого имеют прямое отношение к вопросу о принадлежности Антарктики. В целом же по вопросу о принадлежности Антарктики следует иметь в виду и то, что если исходить из того, что он продолжает оставаться открытым или вовсе неурегулированным, то это даст почву другим странам предлагать в этой области свои варианты, которые, естественно, вряд ли будут учитывать особые интересы тех государств, которые не только экономическими затратами за счет своего национального развития, но и жизнями своих граждан заплатили за освоение этого континента в интересах всего мирового сообщества.

Может ли в Антарктике когда-нибудь возникнуть территориальный суверенитет на основе тех прав, которые составляют основу ее современного постоянного особого правового статуса? Если исходить из современной международной обстановки, то представляется маловероятным, что такое возможно. Однако никак нельзя сбрасывать со счетов то, что ряд государств из "группы 77" упорно ведет курс на разрушение Договора об Антарктике. Если это произойдет, то трудно предсказать, какую позицию займут те или иные страны. Международно-правовое положение Антарктики зависит, однако, не только от того, что в силу непредвиденных обстоятельств территориальные претензии могут быть реализованы. Такая возможность сохраняется в принципе, чисто теоретически, оставляя соответствующие права потенциальными, ограниченными, но все-таки реально существующими. Если подходить к этому вопросу иначе, считая, что ни при каких обстоятельствах невозможно существование территориального суверенитета, то тогда это будет означать и непризнание соответствующих прав как реально существующей действительности. Вряд ли можно считать правом то, что не может быть реализовано даже теоретически.

Интересен вопрос, всегда ли будет неизменна эта группа двенадцати стран. Видимо, нужно признать, что со временем положение должно изменяться. В пользу такого предположения можно высказать следующие соображения. Международное право признает возможность владения пространством (например, подмандатные или подопечные территории, Договоры о владении "на вечные времена" и

т.д. 83 Такое владение, которое должно презумироваться при наличии суверенитета, при отсутствии такового выражается в субъективном факторе - намерении владеть (*animus possidendi*) и в физическом владении (*cogitus possessionis*)⁸⁴ и означает территориальное первоначенство⁸⁵, влекущее по крайней мере права управления и пользования⁸⁶. В Антарктике функции управления выполняют Консультативные совещания по Договору 1959 г. Участниками совещаний являются первоначальные участники Договора, а также те государства, которые проявляют "свою заинтересованность в Антарктике" (*animus possidendi*), создавая там станцию или посыпая экспедицию (*cogitus possessionis*) - ст. IX Договора.

Владение может перерастать при определенных условиях и в собственность⁸⁶ (суверенитет). Видимо, тогда, когда уровень освоения Антарктики станет принципиально более высоким, чем сейчас, то права тех государств, которые будут участвовать в таком освоении, будут приближаться к правам первоначальных участников Договора. По сути дела, этот процесс уже начал какое-то свое отражение в Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики и Конвенции по регулированию освоения минеральных ресурсов Антарктики, участники конференций по принятию которых получили безусловное право быть членами органов, осуществляющих функции управления. В целом же, однако, учитывая современные темпы освоения этого континента, нужно полагать, что подобный скачок в уровне освоения произойдет нескоро. Вероятно, к тому времени все или подавляющее большинство государств будет участвовать в этом процессе, что повлечет и соответствующие изменения в правовом статусе. Было бы неправильно тем не менее забегать вперед, пытаясь уже сейчас рассматривать Антарктику как общую собственность всего человечества. Если исходить из конкретной исторической обстановки, сложившейся в Антарктике, то нужно признать, что единственным справедливым и реально эффективным средством поддерживать этот регион доступным для всего человечества и сохранять его демилитаризованной зоной был бы путь учета особых прав некоторых государств в Антарктике, поскольку эти права являются взаимоувязанными, взаимно уравновешивающими и создающими реальную правовую базу любой деятельности в этой южнополярной области. Попытки игнорировать эти права на данном этапе приведут лишь к ненужной напряженности, нанесут ущерб правопорядку на этом континенте.

Представляется также вполне оправданным и принцип формирования группы государств, которые определяют порядок пользования Антарктикой, осуществляют функции управления. К этой группе относятся те страны, которые имеют значительный опыт деятельности в Антарктике и реально присутствуют в этом районе, по существу, осуществляя здесь владение. Их особое положение, как уже указывалось, нашло свое отражение в тексте Договора об Антарктике, а позднее также в Конвенции о сохранении тюленей

83 Броунли Я. Указ. соч., стр. 184, 189.

84 Римское частное право. М., 1948, стр. 169.

85 Броунли Я. Указ. соч., стр. 174-178. Римское частное право. М., 1948, стр. 169.

86 Римское частное право. М., 1948, стр. 170.

Антарктике⁸⁷ Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики⁸⁷ и Конвенции по регулированию освоения минеральных ресурсов Антарктики.

Так, в рамках договора создан механизм для осуществления его принципов и целей - регулярные консультативные совещания. Эти совещания вырабатывают в соответствии с положениями статьи IX рекомендации, касающиеся использования Антарктики в мирных целях, содействия научным исследованиям и международному научному сотрудничеству, осуществления юрисдикции и прав инспекции, а также охраны и сохранения живых ресурсов. После утверждения рекомендаций всеми правительствами государств - участников Консультативных совещаний они приобретают обязательную силу. Фактически, как показывает практика, консультативные совещания представляют собой механизм по выработке международно-правовых правил и норм в отношении Антарктики, а также по прямому регулированию некоторых возникающих специфических проблем этого региона.

Принимать участие в работе таких Консультативных совещаний могут присоединившиеся к Договору государства, однако лишь те, которые в соответствии с положениями пункта 2 статьи IX проявляют "свою заинтересованность в Антарктике проведением там существенной научно-исследовательской деятельности, такой, как создание научной станции или посыпка научной экспедиции". Это положение относится лишь к тем государствам, которые присоединились к Договору. Те же государства, которые принимали Договор, упомянуты в его преамбуле и стали по существу его первоначальными участниками, согласно пункту 1 статьи IX, могут принимать участие в Консультативных совещаниях, и не проводя в Антарктике никакой существенной научной деятельности. Например, Бельгия продолжала оставаться участником Консультативных совещаний⁸⁸, не имея в Антарктике своих действующих научных станций⁸⁹. Необходимо отметить также, что на III Консультативном совещании была принята рекомендация III-VII, согласно которой государства, намеревающиеся стать участниками Консультативных совещаний, должны предварительно одобрить все принятые ранее рекомендации⁹⁰. Именно такая процедура и применялась, когда статус участника Консультативных совещаний приобретали ПНР, ФРГ и другие страны.

Кроме того, согласно статье VII, только участники Консультативных совещаний имеют право назначать наблюдателей "для содействия достижению целей и для обеспечения соблюдения

87 Antarctic Marine Living Resources: Innovation and Conservation. - A research paper for the Seminar on Law of the Sea, Professors Muys and Nordquist, Prepared by Luc Mounier, George Washington University, National Law Center, Washington D.C., April 1981, p. 2.

88 Auburn F.M. Legal implications of petroleum resources of the Antarctic Continental Shelf. - Ocean Yearbook, vol. 1, 1977, Chicago University Press, 1978, p. 507; Auburn F.M. Offshore oil and gas in Antarctica. - German Yearbook of International Law, vol. 20, 1977, Berlin, 1978, p. 162.

89 Antarctic Marine Living Resources..., Op. cit., p. 5.

положений настоящего Договора...". Наблюдатели имеют право осуществлять любую инспекцию в любое время в любом районе Антарктики.

Участники Консультативных совещаний имеют и другие особые права, касающиеся принятия поправок к договору, созыва конференции по рассмотрению вопроса о действии Договора, принятия такой конференцией решений.

Нужно отметить и то, что статья IV, регулирующая территориальные претензии, устанавливает равные права между участниками Договора, но не между любыми государствами.

Первоначальные участники Конвенции о сохранении тюленей Антарктики имеют особые права при принятии решений совещанием Договаривающихся сторон (статья 6).

Все государства - участники совещания, на котором была принята Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики, становятся членами создаваемой в рамках конвенции комиссии (пункт 2а, статья VII), если они ратифицировали конвенцию, в том время как присоединившиеся к конвенции государство может быть членом лишь "в течение того времени, пока эта присоединившаяся сторона ведет исследования или промысел морских живых ресурсов, к которым применяется настоящая Конвенция" (пункт 2в, статья VII). Кроме того, комиссия в своей работе полностью учитывает любые соответствующие меры или правила, принятые или рекомендованные консультативными совещаниями согласно статье IX Договора об Антарктике (пункт 5, статья IX). Государство-член комиссии может быть членом научного комитета, создаваемого в рамках конвенции (статья XIV). Члены комиссии имеют специальные права и в случаях принятия поправок к конвенции (статья XXX).

Нельзя не отметить, что Конвенция прямо подчеркивает права государств - участников Консультативных совещаний по Договору об Антарктике. Преамбула конвенции гласит: "Признавая основную ответственность государств - участников Консультативных совещаний по Договору об Антарктике в том, что касается охраны и защиты антарктической окружающей среды и, в частности, их ответственность в силу пункта 1 (f) статьи IX Договора об Антарктике в отношении охраны и сохранения живых ресурсов в Антарктике". Статья V конвенции еще более определена по этому вопросу: "Договаривающиеся Стороны, не являющиеся участниками Договора об Антарктике, признают особые обязательства и ответственность государств - участников Консультативных совещаний по Договору об Антарктике в том, что касается охраны и сохранения окружающей среды в сфере действия Договора об Антарктике".

Членский состав первоначальных участников Договора об Антарктике и Конвенции о сохранении тюленей Антарктики практически совпадает: Аргентина, Австралия, Бельгия, Чили, Франция, Япония, Норвегия, ЮАР, СССР, Великобритания, США, Новая Зеландия, однако, являясь первоначальным участником Договора, лишь подписала Конвенцию о сохранении тюленей Антарктики, но пока не ратифицировала ее. В 1980 г. участником Конвенции стала Польша, а в 1987 г. также и ФРГ. К концу 1987 г. участниками Консультативных совещаний по Договору об Антарктике стали также ПНР, ФРГ, Индия и Бразилия. В работе дипломатической конференции по принятию Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики (Канберра, май 1980г.), помимо всех вышеперечисленных государств, в качестве полноправного участника приняла участие ГДР. Впоследствии она, а также КНР, Италия, Уругвай, Перу, Швеция и Финляндия стали участниками Консультативных совещаний.

Конвенция по регулированию освоения минеральных ресурсов Антарктики имеет много общего с Конвенцией о сохранении морских живых ресурсов Антарктики в части связи с Договором 1959 г. и определения круга стран, которые имеют дополнительные права в вопросах управления. Так, членами Комиссии по минеральным ресурсам является каждый участник конвенции:

- а) если он является участником Консультативных совещаний по договору об Антарктике на дату принятия этой конвенции;
- б) если он является участником Консультативных совещаний и на период, пока он в них участвует;
- в) если он представил заявку о выдаче разрешения на разведку (статья 19).

Таким образом, можно констатировать, что ряд государств пользуется при решении антарктических проблем несколько особыми правами. Видимо, было бы неправильно утверждать, что эти права столь существенны, что могли бы быть использованы вопреки интересам всего мирового сообщества или как-то противопоставлены ему. Любое государство, "которое проявляет свою заинтересованность в Антарктике" (статья IX договора об Антарктике), может принимать участие в работе Консультативных совещаний наравне с первоначальными участниками Договора и соответственно влиять на вырабатываемые в их рамках решения.

Необходимо указать на важную особенность связи между правовым статусом и правовым режимом Антарктики, а именно, на ограничение возможностей ее использования, а также использования ее ресурсов. В основе правового статуса лежат, как уже указывалось, ограниченные права на территориальный суверенитет, которые, однако, потенциально могут быть реализованы. Такое состояние, учитывая беспрочный характер Договора об Антарктике и существующую международную обстановку, в обозримой перспективе вряд ли изменится. Вместе с тем прогресс науки и техники ставит на повестку дня все новые вопросы, связанные с конкретным освоением Антарктики, причем характер этих вопросов обычно неразрывно связан с характером правового статуса этого пространства.

Антарктика не является "ничейной" и никакая ее часть или она в целом не могут быть на законном основании присвоены каким-либо отдельным государством. С другой стороны, возможность реализовать обоснованные права в отношении Антарктики со стороны определенных государств ограничивает действия, которые можно было бы здесь предпринимать, по крайней мере, без согласования с этими заинтересованными сторонами. Так, это относится к деятельности, которая связана, во-первых, с владением определенным пространством, например, в целях добычи полезных ископаемых. Во-вторых, к ней могла бы быть отнесена такая деятельность, которая приводила бы к необратимым изменениям в Антарктике, в частности, к изменениям состояния окружающей среды и изменениям запасов ресурсов. Если рыбный промысел не связан с завладением частью морского пространства и не ведет к необратимому сокращению рыбных ресурсов, то он, очевидно, и не ведет к прямому ущемлению прав заинтересованных сторон. Если же осуществляется добыча полезных ископаемых, то эта деятельность носит, несомненно, другой характер и влечет иные последствия. Иными словами, речь идет об использовании возобновляемых или невозобновляемых ресурсов или, точнее, о возобновляемости и невозобновляемости ресурсов и условий.

Дабы избежать в Антарктике ситуаций, когда любая деятельность по эксплуатации антарктических ресурсов была бы невозможна, поскольку она наносила бы ущерб чьим-либо интересам, государства - участники Консультативных совещаний пошли по пути

выработки соответствующих соглашений, регулирующих условия осуществления такой деятельности. Так были выработаны Конвенция о сохранении тюленей Антарктики и Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики. На этой же основе разработана и Конвенция по регулированию освоения минеральных ресурсов Антарктики. Таким образом, любая деятельность в Антарктике (в том числе и научная), осуществляемая сейчас и которая может быть осуществлена в будущем, первоначально согласовывается со всеми заинтересованными сторонами или по крайней мере доводится до их сведения и планируется с их ведома. Такое решение проблемы имеет существенные преимущества - не наносится ущерб интересам любого государства, которое считает себя достаточно заинтересованным в решении антарктических проблем и, с другой стороны, государства, участвующие в таком коллективном принятии решений, не могут необоснованно препятствовать эксплуатации Антарктики, как это могло бы произойти при отсутствии соответствующих международных соглашений.

Необходимо добавить к вышесказанному, что правовое регулирование деятельности в пространствах должно осуществляться с учетом правового статуса самого континента, т.к. иначе деятельность, которая приводила бы к необратимым изменениям этих районов (например, с точки зрения экологии) или запасов их ресурсов, несомненно наносила бы ущерб потенциальным правам соответствующих государств. Представляется вполне очевидным, что без учета мнения этих государств осуществлять подобную деятельность в Антарктике и ее морях нельзя.

Из Договора следует, что он, определяя правовой режим Антарктики, допускает следующие виды деятельности в этом районе. В статье I указано: "Антарктика используется только в мирных целях". Поскольку вся статья посвящена запрещению военной деятельности в Антарктике, то в этом контексте очевидно, что, говоря об использовании ее в мирных целях, имелось в виду подчеркнуть именно этот аспект. Тем не менее, также очевидно, что статья I Договора тем самым в общих чертах оговорила возможность какой-то деятельности в Антарктике, не уточнив, однако, какой именно.

Статья II Договора уже более конкретно говорит о видах допустимой в Антарктике деятельности. "Свобода научных исследований в Антарктике и сотрудничество в этих целях, как они применялись в течение Международного геофизического года, будут продолжаться в соответствии с положениями настоящего Договора". Обеспечивая свободу научных исследований, Договор разрешает виды деятельности, связанные с ней. С целью ведения таких исследований можно, очевидно, осуществлять свободное передвижение в пределах Антарктики, создавать научные базы и поселения для научного персонала, вести научные исследования, которые могут быть не только фундаментальными, но и более конкретными, дающими, например, общую информацию о запасах природных ресурсов.

Статья IV, регулирующая вопрос о территориальных претензиях, также упоминает о возможности деятельности в Антарктике как самих государств - участников Договора, так и их граждан. При этом в ней указывается, что никакая такая "деятельность" не наносит ущерба позициям сторон по вопросу о территориальных претензиях.

Пункт 2 статьи V предусматривает при определенных условиях возможность (по крайней мере теоретическую) ядерных взрывов в Антарктике и удаления радиоактивных отходов. Действительно, в пункте 1 статьи V говорится о запрещении в Антарктике ядерных взрывов и удаления радиоактивных материалов. Тем самым устанавливается максимально возможный жесткий режим - полный запрет. Но в пункте 2 этой же статьи говорится, что в Антарктике

в отношении ядерных взрывов и удаления радиоактивных отходов могут применяться правила, установленные по этим вопросам специальными международными соглашениями, в которых будут участвовать все стороны Договора, являющиеся участниками Консультативных совещаний.

Очевидно, что если бы авторы Договора имели в виду навсегда и при любых обстоятельствах запретить в Антарктике ядерные взрывы и удаление радиоактивных отходов, то не было бы необходимости делать ссылки на эти международные соглашения - достаточно было бы положения пункта 1 этой статьи. Но раз такая ссылка сделана, то это означает, что в Антарктике могут быть применены и иные правила. Более жесткими они быть не могут - уже и так установлен полный запрет. Подтверждая запрет нет необходимости - это излишняя тавтология. Остается лишь предположить, что в будущем не исключается (если к такому согласию придут соответствующие государства) как удаление в определенной форме радиоактивных отходов, так и осуществление взрывов, но в рамках положений пункта 2 статьи V.

В статье VI Договора говорится, что ничто в нем не ущемляет прав любого государства, признанных международным правом в отношении открытого моря в районе южнее 60° ю.ш. Видимо, к таким правам можно отнести свободу судоходства, полетов, рыболовства, прокладки кабелей и трубопроводов, сооружения искусственных островов и т.д.

Статья VII разрешает представителям государств - участников Консультативных совещаний проводить в Антарктике любую инспекцию.

Что же касается других видов деятельности в Антарктике, то статья X гласит: "Каждая из Договаривающихся Сторон обязуется прилагать соответствующие усилия, совместимые с Уставом Организации Объединенных Наций, с тем, чтобы в Антарктике не проводилось какой-либо деятельности, противоречащей принципам или целям настоящего Договора". Означает ли это, что в Антарктике запрещены все виды деятельности, кроме прямо оговоренных в Договоре? Видимо, нет. Как уже указывалось, Договор в целом оговаривает возможность какой-либо мирной деятельности. Следовательно, он оставляет возможность в Договорном порядке (по аналогии с тем, как это сделано в Договоре в отношении некоторых видов деятельности) определить и иные виды правомерной деятельности.

Анализируя оговоренные в Договоре об Антарктике виды разрешенной деятельности, нельзя не заметить, что все они имеют одну общую черту - осуществление их не может привести к существенному изменению природной среды этого региона. Ни научная деятельность, включая свободу передвижения, создание поселений и станций, а также поиск природных ресурсов, ни свобода судоходства и прокладки кабелей или свобода инспекции не могут вести к существенным экологическим изменениям в Антарктике, или, например, существенным изменениям запасов ресурсов. То, что Договор предусматривает возможность осуществления ядерных взрывов или удаления радиоактивных отходов, также вряд ли можно рассматривать иначе, как в том контексте, в котором об этом говорится. В Договоре явно имеется в виду ненанесение антарктической среде невосстановимого ущерба. Что же касается свободы рыболовства, то, по-видимому, можно утверждать, что осуществление его в открытом море предусматривает не химическую эксплуатацию, приводящую к истощению ресурсов, а рациональное использование, тем более, что этот принцип международного права получил договорное закрепление в Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики.